

Елена Арсеньева

Петербургская кукла, или Дама птиц (Ольга Судейкина-Глебова)

Часть сборника
Королева эпатажа (сборник)

Королева эпатажа

Елена Арсеньева

**Петербургская кукла, или Дама
птиц (Ольга Судейкина-Глебова)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Петербургская кукла, или Дама птиц (Ольга Судейкина-Глебова) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Королева эпатажа)

ISBN 5-699-14364-5

«В раннем сыром петербургском апреле 1913 года, мглистым днем, на Смоленском кладбище, у раскрытой могилы, куда опускали заколоченный гроб (в том гробу лежал самоубийца, красавец-офицер), кто-то молился, кто-то плакал, кто-то угрюмо молчал... Кто-то влажным, захлебывающимся шепотом записного сплетника бормотал: о мертвых, конечно, *out bene, aut nihil* – или хорошо, или ничего, а между тем несчастный Владислав не только кропал стишата (кто ж их не кропает в наше-то время), но и якшался с поэтами, да не с простыми, а с самыми что ни на есть скандальными, с Кузминым, к примеру. А он, Кузмин, знаете что влагает в понятие мужской дружбы? Не знаете? Хо-хо!.. «А что он влагает?!» – вопрошал от большого ума второй любитель посудачить на чужой счет...»

ISBN 5-699-14364-5

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Елена Арсеньева

Петербургская кукла, или Дама птиц (Ольга Судейкина-Глебова)

В раннем сыром петербургском апреле 1913 года, мгlistым днем, на Смоленском кладбище, у раскрытой могилы, куда опускали заколоченный гроб (в том гробу лежал самоубийца, красавец-офицер), кто-то молился, кто-то плакал, кто-то угрюмо молчал... Кто-то влажным, захлебывающимся шепотом записного сплетника бормотал: о мертвых, конечно, *out bene, aut nihil* – или хорошо, или ничего, а между тем несчастный Владислав не только кропал стишата (кто ж их не кропает в наше-то время), но и яхшался с поэтами, да не с простыми, а с самыми что ни на есть скандальными, с Кузминым, к примеру. А он, Кузмин, знаете что влагает в понятие мужской дружбы? Не знаете? Хо-хо!.. «А что он влагает?!» – вопрошал от большого ума второй любитель посудачить на чужой счет. А третий сплетник возражал, что от покойного требовали-де жениться на какой-то девушке из Риги, а он не хотел, но отказаться было бесчестно, вот он и выстрелил в себя... Тут уж первый своим жарким шепотом возражал: дело, мол, вовсе не в какой-то рижской девушке, а в девушке петербургской, да и не в девушке вовсе, а, пардон, в шлюхе, в актерке. Причем ее и шлюхой-то назвать – значит сделать комплимент, потому что шлюхи промышляют старым добрым ремеслом, а пассия покойного Князева, она ведь, знаете ли... Кабы он ее с мужчиной застал, так еще, может, жив был бы – плюнул бы, да и ушел восвояси, только он ее застал *не с мужчиной*... «А с кем?!» – вопрошал приятель-тугодум...

И тут все трое переглянулись и умолкли, с трудом удерживаясь, чтобы не тарашиться в упор на двух женщин, застывших чуть поодаль от собравшихся, в тени кладбищенской стены, неподвижностью своею и бледностью могущих поспорить с надгробиями. Обе они были высоки и модно-декадентски-тонки, почти бесплотны, обе коротко стрижены и слегка словно бы пошатывались от модного же кокаина, а может быть, и от горя. Одна – угловатая брюнетка с высокомерным профилем, покровительственно, словно старшая сестра – младшую, держала за руку вторую – золотоволосую, бело-розовую, пленительную, цветущую и сияющую, несмотря на горький заплаканный рот и опущенные влажные ресницы.

Когда гроб канул в ямину и первые комья земли ударились о крышку, отец самоубийцы заплакал, а мать повернулась к светловолосой красавице и сказала гулким пророческим голосом:

– Бог накажет тех, кто заставил его страдать!

Брюнетка зыркнула на нее исподлобья жгучими черными очами, которые казались нарисованными на ее лице небрежным, асимметричным росчерком угля в смеси с темпераю, стиснула темно-красные карминовые губы в страдальческий комок и потянула за собой подругу – уйти. Та послушно побрела, незряче шаря по сторонам переливчатыми, опаловыми глазами, словно пытаясь осознать, где находится, зачем сюда приходила, куда сейчас направляется, а может быть, хотела просто запомнить это место. Но запомнить не удастся, и спустя восемь лет, когда две подружки снова окажутся на Смоленском кладбище (придут проводить в последний путь великого поэта, великого страдальца и великого грешника, который как-то раз послал одной из них черную розу в бокале золотого, как небо, ай), они долго будут бродить по слякотным февральским дорожкам в поисках могилы несчастного самоубийцы, напоминая друг дружке: нет, не здесь, где-то у стены, да нет же, не у стены, а где-то здесь... Так они и не найдут и уйдут с кладбища, промолив ноги в худых ботиках, и будут мрачно размышлять, поддерживая одна другую, что несчастный самоубийца оказался на поверку самым счастливым, глупец – самым разумным, порывистый мальчишка – самым расчетливым, потому что он умер по своей

воле, а не по приговору какого-то там ревтрибунала, как муж брюнетки. Да, он сам пустил себе пулю в висок, а не какой-нибудь матрос в кожанке бабахнул в него из «маузера» в темном, пахнущем кровью подвале, и не умер он от голода, как умер великий поэт и великий грешник, тот самый, который никак не мог вспомнить, «он был или не был, этот вечер», когда пожаром зари было сожжено и раздвинуто бледное небо...

Во время этих кладбищенских блужданий светловолосая красавица скажет вдруг, отводя свои опаловые, переменчивые, лживые глаза от темных, требовательных глаз подруги:

– Ты знаешь, я решила. Я уеду. Попрошу дать мне разрешение на выезд в Берлин, якобы для устройства выставки, но больше сюда не вернусь. Все. Не могу больше!

Брюнетка наставительно возразит ей: мол, умирать надо в родной стране – однако золотоволосая только своенравно вскинет голову и ответит, что умирать она вообще пока не собирается. «Что это ты, Анна, взялась меня хоронить? – воскликнет она. – Ну и что, что я тебя на четыре года старше?! Все равно мне только тридцать шесть, и я, может быть, еще узнаю свое счастье!»

Анна Ахматова посмотрит на нее с изумлением, потому что и она сама, и все их знакомые были совершенно уверены, что в этой паре именно она – старше, умнее, серьезнее, греховнее, опаснее, мужественней (во всех смыслах этого слова), а Оленька – дитя, девочка, куколка, Коломбина, Психея, дитя... ну что с нее возьмешь...

В самом деле, в ней было что-то детское, особенно в глазах и в безмятежном золоте волос, и эта детскость в сочетании со знойной женственностью форм и чувственностью рта разила наповал мужчин и женщин. Набоков еще не написал и даже не задумал в то время свою «Лолиту», однако словами «вечная нимфетка» вполне можно было бы назвать актрису и художницу Ольгу Судейкину, в девичестве Глебову, которая сводила с ума литературно-художественный Петербург начала XX века так, как его, быть может, с ума еще никто не сводил и больше уже не сведет.

Оля, Оля, Оленька,
Не читай неприличных книг,
А лучше ходи совсем голенькая
И целуйся каждый миг! —

как-то симпровизировал неистово влюбленный в нее мрачный циник поэт Федор Соллогуб. И, кажется, у всех, кто знал Ольгу, первое желание было – раздеть ее, второе – целовать, а третье – благоговеть перед ее красотой. Действительно, у всех – как у мужчин, так и, заметим себе, у женщин. У той же Анны Ахматовой:

Как копытца, топочут сапожки,
Как бубенчик, звенят сережки,
В бледных локонах злые рожки,
Окаянной пляской пьяна, —
Словно с вазы чернофигурной,
Прибежала к волне лазурной
Так парадно обнажена.

Между тем в детстве и ранней юности «парадного» в Ольге было мало, она была грустной и угрюмой девочкой. То ли память о брате-моряке, утонувшем во время учебного плаванья, угнетала, то ли необходимость искать отца-выпивоху по кабакам, что было ее постоянной обязанностью в детстве... Она спасалась игрой в куклы – но не в пошлые «дочки-матери», в

какие играют, «набивая руку», все нормальные девочки, а в куклы особенные, с которыми она разыгрывала целые театральные представления, выступая там с ними на равных, воображая себя – куклой, а их – существами реальными. Именно эта *путаница* мира реального и вымышленного, страстей кукольных и человеческих определит на всю жизнь и особенности ее нрава, и характер, и творчество, и *любви*, и саму судьбу.

Весной 1905 года ученица Глебова получила диплом Императорского театрального училища и была немедленно приглашена в Александринский драматический театр. Однако играть Аню в «Вишневом саде» было ей скучно, ведь жизнь в пьесах Чехова ничем не отличалась от жизни реальной, и Ольга никак не могла взять в толк, зачем надо томиться на сцене той же скукой и обыденностью, которой ты и так томишься в жизни.

Между прочим, не в том ли и суть символизма, декаданса – в отречении от унылости бытия?

Ольга была самым типичным явлением своего времени, воплощением его нервной красоты и надлома форм и содержания, последней, утасующей вспышкой чувственности. Была рождена для любования и поклонения, а кончила свой век в нищете эмиграции, и единственной пищей, которую она тогда хлебала вдоволь, была эта самая не-вы-но-си-мая скука бытия.

Но до этого есть еще время порадоваться жизни и пострадать от нее.

Бросив ортодоксальную Александринку, Ольга добилась ангажемента в Драматическом театре у Комиссаржевской. Здесь был репертуар не в пример поживей: Ибсен, Меттерлинк, в то время страшно модный. Ставить и оформлять спектакли приглашались не скучные маститые реалисты, а изысканные новаторы – Мейерхольд, Сапунов, Борис Григорьев, Сергей Судейкин...

Даже на фоне Мейерхольда Сергей Судейкин выделялся своей изысканностью. Он немножко чайльдгарольдил и очень сильно печоринствовал, выставляя напоказ опять же жутко модные тогда цинизм и эпатажность. При этом он был обаятелен и безусловно талантлив. Ужасный потаскун, конечно, но в конце концов это считается непрямым свойством всякого художника, и считается, конечно, не зря. Обожавший Ольгу Федор Соллогуб пытался отвратить красавицу от «изменника и злодея» (предостережение было облечено в стихотворную форму):

Под луною по ночам
Не внимай его речам
И не верь его очам,
Не давай лобзаньям шейки, —
Он изменник, он злодей,
Хоть зовется он Сергей
Юрьевич Судейкин.

Да только все было попусту.

Надо сказать, что Соллогуб Ольгу и в самом деле обожал. Перед красотой женского тела он был бессилен – не потому, что она вызывала у него сугубо вожделение, нет – эстетическое наслаждение было чуть ли не сильнее желания. Он восхищался танцами Айседоры Дункан и уверял, что танцевать следует только обнаженной. Он написал пьесу «Ночные пляски» и отдал ее поставить Всеволоду Мейерхольду. И убедил Ольгу принять в ней участие – она ведь божественно, просто божественно танцевала. И как-то раз даже выступила с самим Нижинским!

– Не будьте буржуазкой, – уговаривал Соллогуб других актрис – уговаривал своим тяжелым голосом, лишенным всяческой интонации, напоминающим глухую, непроглядную ночь, – вам, как и всякой молодой женщине, хочется быть голой. Не отрицайте. Хочется плясать босой – не лицемерьте. Берите пример с Олечки. Она – вакханка. Она пляшет босая. И это прекрасно!

Соллогуб ни за что не хотел отдавать вакханку Судейкину. Но что он мог поделать?

Сергей был несусветен, невыносим и в то же время изыканно-гармоничен, как и его яркие, вызывающие полотна. А уж рисовальщик он был божественный, правда, склонный к циническому высмеиванию натуры. Только Ольгу Судейкин рисовал без карикатурных искажений, заставляя своевольный свой карандаш смиряться перед силой любви к ней.

Ей-богу, смиряться было перед чем, и было что любить. Конечно, сравнение изящных красавиц со статуэтками саксонского фарфора – изрядная банальность, но куда денешься от того, что именно банальность как нельзя лучше соответствует действительности? Ольга обладала хрупкой, изящной красотой, которая не вянет с годами, а словно бы становится все более законченной. И при этом она вовсе не была тощая, формами обладала пленительными. Волосы – словно у красавиц из французских сказок, глаза – переменчивые, волнующие, напоминающие опалы. Ну, тут непременно следует добавить про жемчужные зубки и уста, как будто розы... Все это было, было... было, как надо! Потрясающее сочетание одухотворенности и чувственности – вот что отличало ее от других, а вовсе не только сказочная красота. Одухотворенность и чувственность...

Ольга влюбилась в Сергея так же страстно, как он в нее, и однажды поехала с ним в Москву, даже не подумав предупредить в театре, что уезжает. Работу она потеряла, однако во время этой поездки в январе 1907 года они обвенчались, и Ольга всецело вверилась Сергею, который поработил ее, пленил ее волю, словно он был гипнотизер Свенгали из модного в то время романа Джона Дюморье «Трильби», а она была этой самой Трильби – околдованной красавицей, способной только любить, любить, любить...

Сергей играл с ней так же, как Олечка-девочка играла своими куколками: даже одевал ее в какие-то невероятные одеяния. Сергей придумал ей манто из светло-голубого лебяжьего пуха, в котором она была похожа на фею снежинок. А как-то раз она пришла в кабаре «Бродячая собака» в платье бело-розового тюля, украшенном бабочками и расшитом жемчугом. Кстати, экстравагантные модели Сергея не остались незамеченными русскими модными домами, Ольга позировала в них для открыток, потом ее нанимали появляться на светских гуляниях и на богемных сборищах в новых моделях одежды – то есть она была одной из первых русских манекенщиц. Наверное, сделала бы блестящую карьеру, когда бы смогла всерьез заинтересоваться хоть чем-нибудь одним. А впрочем, долговечна ли профессия манекенщицы? Конечно, нет.

Однако профессией жены Сергея Ольга могла бы заниматься бесконечно долго. Но увы... она получила отставку! Мрачный, ухающий, как филин, Соллогуб (именно его, кстати, изобразил в виде доктора-филина Алексей Толстой в «Приключениях Буратино») оказался прав насчет «изменщика и злодея».

Конечно, с его стороны имело место отнюдь не платоническое обожание. Соллогуб страстно эту женщину желал и злился люто за то, что не мог ее заполучить. Он считал, что страдать по красивой девочке – «мне ни к лицу и не по летам, пора, пора мне быть умней!», скрывал «огонь любви в душе моей» за пустенькими смешками:

Какая тварка Оленька Судейкина!
Не знаю, как ее назвать.
Полить ее из крупной лейки на —
добно и после постегать.

А «тварку» он в конце концов все же заполучил. Но гораздо позже, потом, после того, как ее сердце разбил-таки «изменщик и злодей». Но только вот какой вышел казус, какая закавыка: не соперница-разлучница погубила счастье Ольги – его погубил... соперник-разлучник.

У Сергея был близкий друг по имени Михаил Кузмин. Знаменитый поэт, утонченное, изысканное существо, красавец совершенно в декадентском стиле – лишенный примет мужественности, изломанный Пьеро, томное нечто... Талант его был сверкающий и несравненный, нездешний, нерусский. Талант, вообще чуждый земному. Ольгой Михаил восхищался искренне как волшебным красивым созданием. Он посвящал ей многие стихи, исполненные рыцарского преклонения перед прекрасной дамой. Вернее, не рыцарского, а скорее поэтического – ну какой же из томного Кузмина рыцарь, он, пожалуй, трубадур. Взять вот хотя бы эти стихи:

Стояли холода, и шел «Тристан».
В оркестре пело раненое море,
Зеленый край за паром голубым,
Остановившееся дико сердце.
Никто не видел, как в театр вошла
И оказалась уж сидящей в ложе
Красавица, как полотно Брюллова.
Такие женщины живут в романах,
Встречаются они и на экране...
За них свершают кражи, преступления,
Подкарауливают их кареты
И отравляются на чердаках.
Теперь она внимательно и скромно
Следила за смертельной любовью,
Не поправляя алого платочка,
Что сполз у ней с жемчужного плеча,
Не замечая, что за ней упорно
Следят в театре многие бинокли...
Я не был с ней знаком, но все смотрел
На полумрак пустой, казалось, ложи...

Ольга обожала его стихи. Она вообще очень хорошо декламировала – хорошо, как никто другой, – и стихи Кузмина ей невероятно удавались. А он вообще считал, что никто так его стихов не читал, как Ольга.

Но это «творческое содружество» начнется потом, гораздо позже, когда жизнь научит Ольгу конформизму и в то же время даст ей понять, что пресное существование мещанки, чего пуще смерти боялась и что ненавидела Ольга, можно разнообразить только чем-нибудь остреньким... например, этакой солененько-перченой штучкой, как сексуальные извращения. Но это, как уже было сказано, произойдет позже. А пока в один прекрасный день Ольга наткнулась на дневник Кузмина. Отчего-то в начале века все, как нанятые, вели дневники и раскидывали их где ни попадя, так что на них натыкались объятые иллюзиями мужья или жены подруг или друзей. И читали все, что объектам их иллюзий взбрело в голову написать, и со звоном роняли на пол розовые очки, и те разбивались на мелкие осколки.

Розовые очки Ольги разбились, как это ни парадоксально звучит, на голубые осколки, потому что именно такова была суть *дружбы*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.